А. А. Чувьюров

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ СОКОЛОВА: МЕМОРАТЫ, ФАБУЛАТЫ И КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА*

АННОТАЦИЯ. Рассмотрена историческая память жителей села Соколово — мемораты и фабулаты о ВОВ, а также коммеморативная практика, связанная с празднованием Дня Победы. Автор отмечает, что мемораты фронтовиков, как правило, не имели развернутого характера и впоследствии фабулаты этих рассказов сохраняли только значимые для той или иной аудитории эпизоды. Особую группу меморатов составляют воспоминания жителей села, мобилизованных для работ на лесозаготовках. Автор подчеркивает, что основными мотивами этих рассказов является описание перенесенных трудностей военного времени (голод, непосильная работа на лесозаготовках). Радостные моменты рассказов этого периода связаны с воспоминаниями о местной самодеятельности, в которой принимали участие многие рассказчицы. На концертах озвучивались различные сатирические частушки и переделки популярных песен, в которых высмеивался образ гитлеровцев. Популярная в последние годы акция «Бессмертный полк» также стала частью коммеморативной практики жителей Соколово. Автор отмечает, что в отличие от восточноевропейских стран, где в общественном сознании усиленно подкрепляется дискурс травматического прошлого, в коллективной памяти о Великой Отечественной войне в современной России акцентируется дискурс триумфа, который выступает в качестве важнейшей формы национальной идентичности на государственном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Соколово, война, меморат, фабулат, коммеморативная практика, частушки, старообрядцы, идентичность

УДК 394.2+398.8

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-129-142

ЧУВЬЮРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — к.и.н., н.с. музея высшей категории, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: Chuvjurov@yandex.ru

* К. В. Чистов термином «меморат» обозначает устные рассказы от первого лица, от непосредственного участника событий; «фабулат» — рассказы с чьих-то слов в третьем лице (Чистов 2003: 9, 34).

Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти.
Пьер Нора «Всемирное торжество памяти»

Человек вспоминает то, что важно ему самому, что помогает ему справляться с сегодняшней жизнью.
Харальд Вельцер «История, память и современность прошлого»

Проблема осмысления и изучения исторической памяти, способов ее «консервации», функций, которые она выполняет в жизни общества, в последние десятилетия одно из важных направлений в исследованиях представителей гуманитарных дисциплин (истории, филологии, социологии, культурологии). Отправной точкой начала разработки этой темы стал выход монографии Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти» («Les Cadres sociaux de la memoire») в 1925 г. (Богданов и др. 2015: 20). Он рассматривал историческую память как важнейший фактор самоидентификации социальной или любой иной группы. Хальбвакс выделяет два типа памяти — коллективную и индивидуальную. Коллективная память опирается на индивидуальную, но не смешивается с ней, — как только воспоминания индивида проникают в коллективную память, они видоизменяются и преображаются (Хальбвакс 2005).

Дальнейшую разработку проблематика социальной памяти получила в работах Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора, П. Рикёра. В мемориальном пространстве П. Нора выделяет особые точки кристаллизации прошлого (Нора 1999: 26), которые он обозначает термином «места памяти» (*lieux de mémoire*). Они включают различные категории объектов (материальных и духовных): архитектурные памятники, монументы, кладбища, коллекции, архивы, символы, художественная и мемуарная литература, а также коммеморативная практика (праздники, ритуалы). Эти объекты, по мнению П. Нора, выступают в роли связующего звена между прошлым и настоящим в трех смыслах: материальном, символическом и функциональном (Нора 1999: 40).

Вопросы о необходимости изучения исторической памяти современников в работах российских ученых стали подниматься еще в 1920-х гг. и в значительной степени были связаны с переломными событиями в истории России — революцией, Гражданской войной (Азадовский 1924; Сидельников 1938; Фронтовая поэзия… 1938; Гуревич 1940). Безусловно, идеологические установки, доминирующие в то время в обществе, сказывались как на отборе материала, так и на его интерпретациях. С началом ВОВ фольклористы и этнографы включились в работу по сбору военного фольклора (Соколова 1975: 35–36). Эта работа продолжилась и после войны. В числе исследователей, которые внесли свой вклад в изучение устных нарративов о ВОВ, был и К. В. Чистов. В 1951 г. в «Известиях Карело-финского филиала АН СССР» он опубликовал статью «Устные рассказы о героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной» (Чистов 1951: 41–66). В ней он рассматривает историю возникновения и распространения рассказов о Мелентьевой и Лисицыной, источниками которых «явились, с одной стороны, воспоминания боевых соратников, родных, близких и знакомых, с другой стороны, очерки и статьи, появившиеся в газетах и журналах (очерк Г. Фиша «Бессмертие») (Чистов 1951: 57).

Активное изучение фольклора времен ВОВ (устных рассказов, воспоминаний, писем, песен, частушек о войне) начинается в 1960-х гг.: публикуются отдельные статьи (Гудошников 1964: 115–121; Домановский 1964: 178–194; Гончарова 1972: 122–139), а также специальные сборники, посвященные изучению этой темы (Русский фольклор Великой… 1964).

Память о ВОВ и связанные с нею практики коммеморации в последнее десятилетие вызывают значительный интерес среди исследователей (Гудков 2005; Кормина, Штырков 2005; Горнова 2017

и др.). Актуализации этой темы в определенной мере способствует общественно-политический резонанс, связанный с празднованием Дня Победы на государственном уровне, который получил отражение и в различных СМИ. Еще одним фактором, способствующим популяризации работ, связанных с исторической, культурной памятью и самоидентификацией, среди отечественных исследователей (Власть времени 2011; Богданов и др. 2015), является публикация на русском языке работ зарубежных ученых, внесших значительных вклад в изучение проблемы коллективной памяти, таких как М. Хвальбакс, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман, а также представителей французской школы Анналов и близких к ним исследователей (М. Блок, Ф. Арьес, Ж. Ле Гофф).

МЕМОРАТЫ И ФАБУЛАТЫ О ВОЙНЕ

Моя статья посвящена изучению коллективной памяти о ВОВ и коммеморативных практиках, связанных с празднованием Дня Победы. Объектом исследования выбрано село Соколово (Печорский район, Республика Коми).

Село Соколово расположено на левом берегу реки Печоры, в тридцати двух километрах от районного центра Печора (Республика Коми). Оно было основано во второй половине XVIII в. (1770) двумя русскими переселенцами из Усть-Цильмы (Пастухов и Соколов) (Латкин 1853: 83; Ревизская сказка 1858), позднее, в 1830–1860-х гг., туда перебрались жители из близлежащих деревень коми-ижемцев (Усть-Кожва, Усть-Уса, Лыжа), благодаря чему уже в конце XIX в. разговорным языком местных жителей стал коми-ижемский диалект коми языка (Ведомости для подсчета населения… 1896).

В 1970 г. в Соколово проживало 700 человек, в 1989 — 558 (Жеребцов 1994: 208–209), а сейчас (2018) число его жителей составляет 200 человек. В этом селе прошли мое детство и юность, и каждое лето я приезжаю сюда, в деревню, к своим родственникам и продолжаю заниматься сбором этнографического материала, в том числе изучением коммеморативных практик, связанных с празднованием Дня Победы, и фольклорных текстов о ВОВ.

Соколово находилось в глубоком тылу, вне зоны боевых действий, поэтому здесь нет каких-либо материальных объектов (следов боев, разрушений), непосредственно связанных с войной, но в символической памяти этот период нашел отражение в различных меморатах и фабулатах очевидцев тех трагических событий.

На фронт из села Соколово было призвано 62 человека, из них 34 погибли. Кроме того, многие молодые девушки, а также мужчины, признанные негодными к строевой службе по состоянию здоровья, во время войны были привлечены для работ на лесозаготовках. Единственным событием, непосредственно связанным с боевыми действиями в относительной близости от села, явилась попытка немецкой диверсионной группы взорвать мост через реку Печору в июне 1943 г. Рассказы об этом без каких-либо подробных сведений бытовали среди жителей Соколово в годы моего детства и юности (1960–1970-е гг.).

В первые десятилетия после окончания войны именно воспоминания непосредственных участников тех событий (фронтовиков и привлеченных для работ на так называемом трудфронте) составляли основу коллективной памяти. У каждого из очевидцев тех событий была своя история о войне: фронтовики, подвыпив, вспоминали различные эпизоды своей фронтовой биографии, а те, кто оставался в тылу, рассказывали о тяготах военных лет. Какие-то из этих историй потом становились частью коллективной памяти, но сохранялось в памяти лишь то, что было значимо для той или иной аудитории. Так, от своей бабушки-старообрядки я слышал, что у нашего старообрядческого

наставника Ивана Федоровича Канева (местное прозвище *Вöлга Вань* — Иван Волга) во время войны произошел конфликт с замполитом части, где он служил. Замполит, увидев под гимнастеркой Канева нательный крест, приказал его снять, но получил отказ. Замполит пригрозил отдать солдата под суд, но Иван Федорович так всю войну и прошел с нательным крестом. Для бабушки в военной биографии местного наставника был важен именно факт религиозной неколебимости и твердости духа. О многих фронтовиках знали, в каких войсках они служили, но подробностей не рассказывали. Так, про родного брата моей бабушки Саватия Пастухова известно, что он был танкистом, трижды горел в танке, был награжден орденом Славы, но каких-то других подробностей о нем не приводилось. Для моей бабушки опять же было важно лишь то, что ее брат остался жив («Бог сберег»).

В кругу наших близких родственников, проживающих в Соколово, не было фронтовиков. Воевал родной брат моего отца Александр Андреевич Чувьюров, который был танкистом и, как рассказывал мне отец, дошел до Берлина. Он жил в Усть-Куломском районе, в селе Деревянск, в пятистах километрах от нас, и в годы моего детства приезжал в Соколово только один раз, в начале 1970-х гг. Из всех его рассказов про войну в разговоре с моим отцом я помню только одну историю, как в конце войны танковая рота, в которой служил мой дядя, наткнулась на американскую колонну. Приняв американцев за немцев, они ее обстреляли, и американцы, побросав технику, побежали. «Немец бы так не поступил, окопался бы и стал биться. Немец — солдат», — подытожил свой рассказ дядя Саша. Возможно, были и какие-то другие истории, но моя память удержала только этот военный эпизод из фронтовой биографии моего дяди.

Другие мои родственники участия в боевых действиях не принимали. Мой дед был инвалидом Гражданской войны. В 1918 г. в деревне Усть-Кожве стоял красноармейский отряд Мандельбаума, и во время очередного обхода окрестных деревень красные реквизировали имущество моего прадеда А. Н. Пастухова, насильно в Красную армию был мобилизован мой дед А. П. Уляшов (рис. 1). Двое из бабушкиных братьев (Саватий и Климентий) в это время воевали на стороне белых. Не желая воевать против своих родственников, мой дед по дороге на Ижму пытался бежать, но был ранен, началась гангрена, и пришлось ампутировать правую ногу. Во время ВОВ он как инвалид трудился в колхозной рыболовецкой артели, которая базировалась на реке Большое Вяткино, в 25 километрах от Соколово. Бабушка во время войны работала дояркой. Моя мама (рис. 2), вспоминая о военном времени, рассказывала, как она, худенькая, малосильная, помогала бабушке — таскала тяжелые фляги с молоком. Летом ездила к отцу, моему деду, и помогала ему — вместе они неводили рыбу. Особенно тяжело было заниматься этим осенью — таскать сети в холодной воде. Военная пора для нее была связана с голодом и отсутствием необходимой одежды. Когда я на сенокосе начинал жаловаться на усталость и говорить, что проголодался, мама мне говорила: «Ты еще не знаешь что такое настоящая усталость и голод, во время войны давали нам небольшую пайку хлеба с опилками и на этой пайке нужно было продержаться до следующего дня». И про одежду, когда кто-нибудь из нас, детей, выказывал недовольство, что мы «бедно одеты» мама говорила: «Во время войны мы шили юбку из мешковины (*мешцк дораысь*), так и ходили. Ничего, выросли».

Старшие сестры моей мамы — тетя Настя и Василиса — во время войны вместе с деревенской молодежью были мобилизованы на работы в лесопункты. Тетя Василиса редко приходила к нам в гости, а тетя Настя в годы моего детства жила в поселке Трубоседъельск, но довольно часто, когда не было распутицы, приезжала к нам в гости, наведать маму, мою бабушку и братьев с сестрами. Всякий раз, когда она приезжала, к нам приходили ее деревенские подруги, с кем она работала во время войны в лесопункте. И во время этих посиделок они невольно вспоминали тяжелые годы своей юности. Основной мотив этих рассказов — тяжелый физический труд в лесопункте

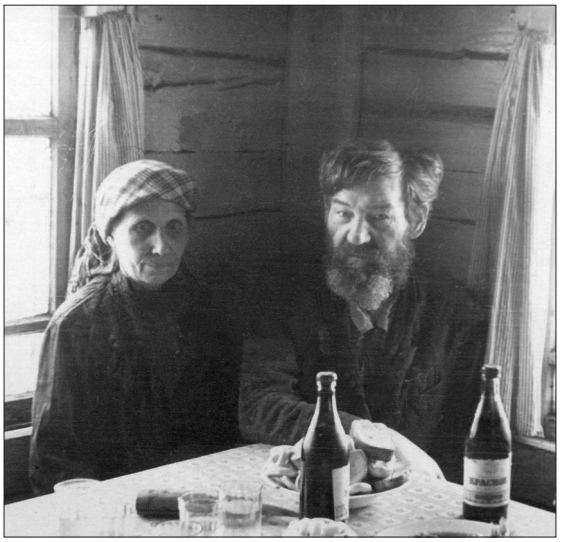


Рис. 1. Мария Афанасьевна Уляшова (в дев. Пастухова) и Афанасий Павлович Уляшов — мои бабушка и дед. 1955 (1956?) г. Фото из семейного архива А. А. Чувьюрова

Рис. 2. Моя мама Павла Афанасьевна Чувьюрова (в дев. Уляшова) с братом Колей и сестрой Тамарой. 1960 г. Фото из семейного архива А. А. Чувьюрова

(«Это сейчас бензопилой лес валят, а мы топором да двуручкой»; «По пояс в снегу ползешь по сугробам, а потом приходишь в барак и нет места, чтобы повесить сушиться мокрую одежду»).

В лесопункте тетя Настя (А. А. Давыдовская; рис. 3) принимала участие в местной самодеятельности. Она с подругами вспоминала разные театральные инсценировки, которые ставили со своей самодеятельной труппой. Помню, она рассказывала, как в одной из них на сцену выводили «актера», одетого под немецкого солдата, и исполняли переделку известной песни «Синий платок» («синенький, скромный платочек…»): «Синенький грязный платочек, Ганс посылает домой и добавляет несколько строчек, дескать, дела ой-ой». Потом, повспоминав разные истории, они заводили патефон и вслед за хрипловатым дребезжанием репродуктора нестройными голосами выводили песни тех времен: «Ой, туманы, мои растуманы»; «Эх, дороги, пыль да туман»; «На солнечной поляночке»; «Темная ночь» («Тёмная ночь, только пули свистят по степи…»); «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь…»); «Под звездами балканскими» («Где ж вы, где ж вы, где ж вы, очи карие…») и др. Для них это были песни их молодости. Иногда эти посиделки растягивались до вечера и для них, тружениц тыла, это был, говоря словами известной песни, «праздник со слезами на глазах».

И так продолжалось из года в год, но время шло, их ряды редели: кто-то уезжал к родственникам, а кто-то уходил в мир иной. После смерти тети Насти (1993), мама забрала из Трубоседъельска ее личный архив: фотографии, письма, дневники. Время было сенокосное, и ознакомиться с архивом тети Насти у меня не получилось. Мама разобрала только одну связку: в платок были завернуты папки с фотографиями. Мое внимание привлекла небольшая тетрадка в 12 листов, в которой имелись только две дневниковые записи: за 1977 г. (15.05) и за 1984 г. (09.05). О своем образовании тетя Настя в шутку говорила: «У меня образование четыре класса, остальное — коридоры». И эти «коридоры» выглядывали из ее дневниковых записей: писала она без пунктуации, путаясь в грамматическом роде. Вместо фонемы «ц», которой нет в коми языке, у нее фонема «ч»: «1977 год сегодня 15 го мая день очень теплая была гроза дождем люди челый день катаются очень обидно но ничего не делаем я очень больная».

Рис. 3. Тетя Настя — Анастасия Афанасьевна Давыдовская (в дев. Уляшова). 1970-е гг.
Фото из семейного архива А. А. Чувьюрова

В тетрадку был вложен двойной лист, на котором карандашом записаны следующие тексты (рис. 4–5):

Ой германия германия фашистская страна.
1. оставила без милого меня!

Ой Германия оборванец перестань
же воевать, всеревно победа наша
2. отпусти ребят гулять

Понапрасно гитлер ходит понапрасно
танки бьёт есесер не завоюет и
3. Берлин не попадет.

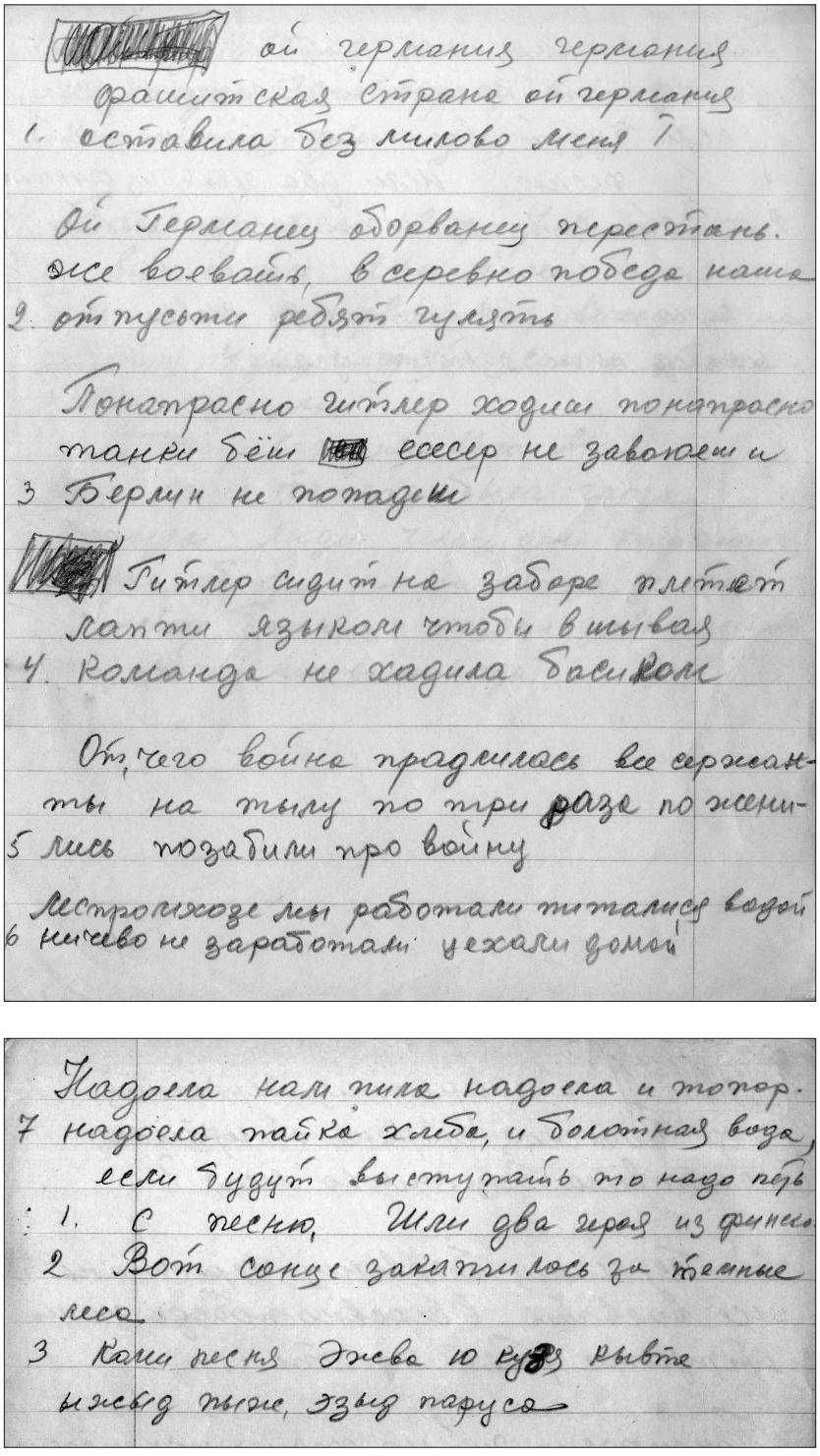
Гитлер сидит на заборе плетет
лапти языком чтобы вшивая
команда не ходила басиком
От чего война продлилась все сержанты
на тылу по три раза поженились
5. позабили про войну

Леспромхозе мы работали питалися водой
ничего не зароботали уехали домой. Л. 1 (об.)
Надоела нам пила надоела и топор.
7. надоела пайка хлеба. И болотная вода.

Внизу текста небольшая приписка:

Если будут выступать то надо петь.
1. С песню. Шли два героя из финской.
2. Вот солнце закатилось за темные леса.
3. Коми песня Эжва ю кузя кывте ыжыд пыж, эзыд паруса[1].

[1] Начальные строфы песни приведены с орфографической ошибкой «Эжва ю кузя кывте ыжыд пыж, эзыд паруса» (Правильно: «Эжва ю кузя кывтӧ ыджыд пыж, еджыд паруса»). «Эжва ю кузя» — коми народная лирическая песня. По тексту и напеву близка



ой германия германия
фашистская стране ой германия
1. оставила без милово меня ?

Ой Герману оборванцу перестань.
все воевать, в серевно победа наша
2. отпусти ребят гулять

Понапрасно гитлер ходил понапрасно
танки бёш [redacted] сссср не завоюеш и
3 Берлин не погадеш

[redacted] Гитлер сидит на забаре плетёт
лапти языком чтобы вшивал
4. Команда не хадила баским

От чего война прадлилась все сержан-
ты на тылу по три раза по жени-
5 лись позабили про войну

Мастеровозе мы работали тягались водой
6 ничево не заработали уехали домой

Надоела нам пила надоела и топор.
7 надоела пайка хлеба, и болотная вода,
если будут выступать то надо петь
1. С песню, Или два героя из фильма
2 Вот солнце закатилось за темные
леса
3 Коли песня Эжва ю кузя ныне
ныне тыне, эзыд паруса

Рис. 4–5. Частушки из тетради А. А. Давыдовской. Лист № 1, 2

к русской лирической «Вниз по Волге-реке» (народной обработке песни из драмы Шаховского): «По Эжве плывет лодка с белыми парусами — в лодке сидят 12 молодцев, все поют, только один пригорюнился: “Меня Маша не любит — бросьте меня в воду”» — комментарий к песне «Эжва ю кузя» предоставлен автору научным сотрудником отдела фольклора КНЦ УрО РАН фольклористом А. В. Панюковым, за что выражаем ему сердечную признательность.

Вероятно, это были наброски к выступлению, посвященному 9 Мая, участвовать в котором ее иногда приглашали.

Я рассчитывал, что приеду на следующий год в село и посижу с архивом тети, чтобы, может быть, найти среди ее записей какие-то интересные материалы, но зимой случился пожар, и ее архив вместе с нашими семейными документами (фотографии, дневники, письма моей мамы и наших родственников) сгорел.

Многие из частушек, которые приведены в тетрадке тети Насти, были достаточно популярны в военные годы. В частности, частушка «Ой, Германия, Германия фашистская страна» бытовала во время войны на Урале (Пушкарев 1995: 41).

Как отмечает З. И. Власова, популярный в 1941–1944 гг. частушечный цикл «Ой, Германия, Германия» с эпитетами «страна неверная», «проклятая», «немилая» возник на основе аналогичных частушек о германской войне 1914 г., записывавшихся еще в 1920-е гг. и сохранившихся в памяти не только старшего поколения (Власова 1964: 182). Многие из этих частушек возродились и бытовали практически без каких-либо изменений:

Ты, Германия, Германия,
Германская война!
Ты оставила, Германия.
Без милого меня!
(Власова 1964: 182).

В условиях новой войны с Германией в тексте появились незначительные изменения, отражающие черты эпохи: «Ты, Германия, Германия, фашистская страна» (Власова 1964: 182).

Также была достаточно известна во время войны частушка «Понапрасну, Гитлер, ходишь». Один из вариантов этой частушки, которая бытовала в Челябинской области, приводит в своей книге Л. Н. Пушкарев:

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь:
СССР не завоюешь
И в Москву не попадешь!
(Пушкарев 1995: 43–44).

Частушка «Гитлер сидит на заборе» была популярна среди солдат-фронтовиков:

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком!
(Пушкарев 1995: 64).

Основным средством коммуникации, с помощью которой эти частушки расходились по разным областям, были письма с фронта и на фронт (Пушкарев 1995: 24–50).

Последние две частушки («В леспромхозе мы работали», «Надоела нам пила»), вероятно, местного происхождения. Строфа про болотную воду является не просто рифмообразующей поэтической метафорой, а реальной деталью быта работников лесопунктов в военное время. В тех случаях, когда поблизости не было источника (ручей, озеро или речушка), приходилось брать воду

из болот. Набранную из болотных ям воду процеживали через марлю или кусок ткани и после этого она годилась для питья, хотя сохраняла болотный привкус.

Сходные мотивы отвращения к физической работе («надоела нам пила») встречаются в частушках женщин, которые во время войны оказались в немецких концентрационных «трудовых» лагерях:

Надоела мне лопата,
Надоел железный лом,
А еще мне надоело
По-немецки слово «комм»
(Власова 1964: 174).

Сходные мотивы встречаются и в фольклоре остарбайтеров:

Надоіли мне бараки,
Надоіла мне біда,
А ще гірше надоіла
Із травою баланда
(Чистов, Чистова 1999: 115).

Переделка песни «Синий платочек», о которой в разговоре со своими подругами упоминала тетя Настя, также была популярна во время войны. О четырех вариантах сатирической переделки канонического текста Я. Галицкого упоминают авторы статьи о массовом песенном творчестве в годы войны: «Грязный солдатский платочек / Ганс посылает домой»; «Маленький синий платочек, / с плеч не успевший упасть»; «Синенький скромный платочек / Немец в деревне украл»; «Синий фашистский стервятник / Падал во мгле дымовой» (Минц и др. 1964: 139). Авторство текста «Грязный солдатский платочек / Ганс посылает домой» приписывается И. Френкелю (Минц и др. 1964: 139, примеч. к сн. 190). Существовало несколько вариантов сатирической песни про «Грязный (Синенький) платочек / Ганс отправляет домой», возможно, друг с другом непосредственно не связанных.

Один из таких вариантов приводит Л. Н. Пушкарев:

Синенький скромный платочек
Ганс шлет домой в Эйзенах
И добавляет несколько строчек —
Дескать, дела наши «швах».
Припев:
Бежим, бежим
По дорогам чужим.
Кружится летчик.
Бьет пулеметчик,
Вряд ли вернусь я живым!
Помнишь ты нашу отправку,
Гитлера речь самого,
Дескать, в любую вломишься лавку
И наберете всего!
Припев.
Дни роковые настали,

Лупят нас там, лупят тут...
Геббельс болтает, черт его знает, —
Скоро нам будет «капут».
Припев
(Пушкарев 1995: 30–31).

Еще один вариант этой песни приводит в своих воспоминаниях Е. В. Захарьин:

Грязный солдатский платочек
Ганс посылает домой
И добавляет несколько строчек,
Дескать, дела наши ой, ой, ой:
Лежим, бежим,
Мы по просторам чужим.
Кружится лётчик,
Бьёт пулемётчик —
С милым простись ты своим.
Помнишь ты нашу отправку,
Геббельса речь самого,
Дескать, в любую
Вломитесь лавку,
Там наберёте всего.
Увы! Не раз.
В поздний иль утренний час
В брюхе урчало,
В ухе стучало,
Ветром качало всех нас.
Вот и зима наступила,
Бьют нас, куда ни ступи.
Геббельс болтает,
Чёрт его знает,
Мы замерзаем в степи.
Ночной порой
Немцы объяты тоской:
Хлебца б кусочек,
Чаю глоточек —
И помотать бы домой.
(Захарьин 1990).

Существовали и лирические переделки «Синего платочка», которые вошли в репертуар фронтовых концертных выступлений Л. Руслановой и К. Шульженко (Захарьин 1990). Широко был известен вариант песни, сочиненный Борисом Ковыневым на музыку вальса «Синий платочек» (муз. Ежи Петерсбурского):

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,

Что началася война
(Синий платочек 2019).

Эту песню («Двадцать второго июня, ровно в четыре часа») на мелодию «Синего платочка» я слышал в детстве в исполнении своей мамы.

Упомянутая в тетрадке тети Насти песня «Шли два героя из финской», возможно, является вариантом песни «Шли два героя с германского боя»[2]:

Шли два героя с германского боя.
И шли два героя домой.
Они повстречались на финской границе,
И финн из них ранил одного.

Л. Н. Пушкарев отмечает, что эта песня — переделка блатной песни «С одесского кичмана бежали два уркана» (Пушкарев 1995: 44).

Вторая подготовленная к выступлению песня «Вот солнце закатилось за темные леса» — это, вероятно, известная по записям среди терских казаков песня «Там солнце закатилось…»:

Там солнце закатилось
За темные леса,
В саду ведь пташки пели
На разны голоса.
Однажды два героя
Просились ночевать:
«Пусти, пусти, хозяюшка,
Нас ночку переспать»[3].

Образ войны, который постепенно формировался у меня в школьные годы, складывался из различных источников. Здесь была и школа, и разговоры о войне в семье, а также книги и фильмы. У нас в доме было много различной мемуарной литературы, любителем которой был мой отец. Наибольшее впечатление на меня оказали две книги: «Дороги победы» А. Х. Бабаджаняна и «Цель жизни» авиаконструктора А. С. Яковлева. Ценность этих книг для меня, подростка, была в том, что в них в качестве иллюстраций приводились фотографии танков и самолетов времен Второй мировой войны. По фотографиям из книги А. Х. Бабаджаняна мы делали игрушечные макеты танков и на поляночке за нашей усадьбой разыгрывали танковые баталии времен войны. Фильмы про войну составляли значительную часть репертуара нашего местного Дома культуры, но из множества просмотренных кинокартин в школьные годы наибольшее впечатление оказали три фильма: «Два бойца» (реж. Леонид Луков), киноэпопея «Освобождение» (реж. Юрий Озеров), «Отец солдата» (реж. Резо Чхеидзе). Фильм «Два бойца» очень любил мой отец. Пластинка с песнями из этого фильма в исполнении Марка Бернеса часто звучала в нашем доме. В середине 1970-х гг., когда я учился уже в старших классах, в школе стал создаваться музей. Первоначально это было несколько стендов, посвященных истории села, в том числе и периоду ВОВ: фотографии участников войны, список погибших.

[2] Текст песни приводится на сайте A-PESNI песенник анархиста-подпольщика. URL: http://a-pesni.org/ww1/chli2sgerm.php (дата обращения: 01.09.2017).
[3] Несколько песен Сунжи: Терцы и Сунженцы. URL: http://terskiekazaki.ucoz.ru/forum/5-7-1 (дата обращения: 01.09.2017).

КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА СОКОЛОВО

Сбор воспоминаний фронтовиков был начат в 1960-х гг. местным краеведом Томасом Иосифовичем Семяшкиным. Исследовательскую работу по сбору материала по этой теме продолжил выпускник СГУ, уроженец села Соколово Семен Андреевич Пастухов. К своей работе он привлек учащихся местной восьмилетней школы. Итогом стал альбом «Никто не забыт. Ничто не забыто», который включал фотографии призванных на войну с краткой биографической справкой (дата рождения, на каких фронтах воевал). Удалось записать около двадцати воспоминаний вернувшихся с войны фронтовиков. Как отмечал С. А. Пастухов, далеко не все они соглашались рассказывать о своих фронтовых делах. Так, один из них (Саватий Пастухов) на просьбу поделиться своими воспоминаниями и выступить перед детьми в школе, сказал: «Я трижды горел в танке, но такое нельзя рассказывать детям, и вообще такие вещи лучше не вспоминать».

По инициативе С. А. Пастухова в 1971 г. в Соколово состоялось открытие мемориального обелиска, на которое приезжал военный оркестр и взвод караульной роты из Печоры. Перед собравшимися выступили представители районной и местной администрации, а в завершение праздничных мероприятий был дан салют. На обелиске написаны слова: «Никто не забыт. Ничто не забыто», а также помещена табличка с упоминанием имен погибших в войне жителей села.

В 1970-х гг. обелиск стоял возле школы. После переноса школы в другое здание обелиск в начале 1990-х гг. переместили к Дому культуры. При школьном музее был создан специальный уголок, посвященный ВОВ. В нем были размещены некоторые предметы того времени: каска, штык, гимнастерка, а также переданные родственниками участников войны боевые награды, медали. На отдельном стенде приводились фамилии фронтовиков и их фотографии, а также список погибших на войне. К празднику Победы в школу приглашались ветераны, которые рассказывали о событиях фронтовой жизни.

В 1970–1980-х гг. ежегодно 9 Мая в селе около обелиска проходила демонстрация и митинг, на котором традиционно выступал директор школы С. А. Пастухов и некоторые участники войны. В клубе в этот день силами местной самодеятельности организовывали концерт — спектакли, инсценировки. Администрация местного IV отделения совхоза «Печора» традиционно к этому дню выделяла деньги на организацию праздничного вечера-ужина в местном клубе, на который приглашались ветераны войны.

В 1970-х гг. по инициативе С. А. Пастухова на домах участников войны были установлены памятные знаки — красные пятиконечные звезды, вырезанные из толстой фанеры, аналогичных тем, которые он видел в разных районах Республики Коми (Ижемском, Усть-Цилемском, Троицко-Печорском, Удорском) во время своих командировок на учительские семинары. Вернувшись в очередной раз из командировки, он попросил учителя труда А. А. Попова дать задание ученикам изготовить такие памятные знаки.

В 2007 г. школу в Соколово закрыли, часть экспонатов школьного музея была передана в библиотеку. Альбом «Никто не забыт. Ничто не забыто» в настоящее время хранится у бывшего директора школы С. А. Пастухова.

Популярная в последние годы акция «Бессмертный полк» также стала частью мемориальной культуры жителей Соколово. Первое такое мероприятие прошло в 2016 г. С фотографиями родственников участники акции проходят по селу от нижнего конца (*Кывтыдпом*) до верхнего конца (*Катыдпом*), затем возвращаются к клубу, где возле обелиска проводятся мемориальные мероприятия: выступление представителей сельской администрации, возложение венков. Завершается

праздник концертом самодеятельности в клубе: показывают спектакли, инсценировки, выступает хор с песнями военного времени.

В 2017 г. местным активом на домах ветеранов были установлены вырезанные из ДВП мемориальные таблички, на которых был нарисован белый голубь на фоне красной пятиконечной звезды, что, вероятно, в символическом смысле означает: Победа в ВОВ принесла МИР народам.

Важную роль трансляторов исторического прошлого в настоящее время играют социальные сети: существует специальная группа «ВКонтакте», которая объединяет жителей Соколова («Соколово»[4]), как бывших, так и проживающих в селе в настоящее время. Всего группа насчитывает 111 участников. На ее страницах помещается информация о предстоящих праздниках, а также различные сведения исторического характера, об отдельных персоналиях — знаменитых личностях села (в том числе о ветеранах), семейные предания и фотографии.

Как отмечают исследователи, «современные практики коммеморации в России приводят к тому, что в коллективной памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании усиленно подкрепляется дискурс триумфа и всячески нивелируется дискурс коллективной травмы» (Горнова 2017: 19). Одной из причин этого является то, что уходят непосредственные участники и свидетели тех трагических событий — носители живой памяти о ВОВ. Но не только демографическими процессами объясняется тот факт, что в современной России в коллективной памяти о ВОВ и связанных с нею в коммеморативных практиках все более закрепляется дискурс триумфа («Спасибо деду за Победу!»). Можно говорить о том, что перед нами одна из форм национальной идентичности на государственном уровне. «Триумф должен служить “социальным клеем”, рождать чувство гордости, давать ощущение принадлежности к великой державе каждому гражданину» (Горнова 2017: 19).

Следует отметить, что коммеморативная практика чествования Дня Победы в Соколово не является чем-то уникальным, по аналогичному сценарию (возложение венков возле мемориальных памятников, шествие с фотографиями родственников-фронтовиков в рамках акции «Бессмертный полк», концерты местной самодеятельности) проходят праздничные мероприятия и в других населенных пунктах Республики Коми. Повсеместно по Республике Коми обновляются мемориальные памятники, посвященные участникам войны, а также строятся новые. Так, в ряде деревень Усинского района установлены памятники, посвященные ижемцам, которые в составе оленеводческих бригад принимали участие в боевых действиях на Кольском полуострове.

Безусловно, актуализации исторической памяти, связанной с Великой Отечественной войной, способствует то значение, которое уделяется Дню Победы центральными и региональными властями. Сохранение личной, семейной, коллективной памяти о ВОВ и необходимость ее символической репрезентации в сельском социуме обусловлено также и социально-психологическими факторами. Неблагоприятная экономическая ситуация в селе Соколово (закрытие местного сельхозпредприятия) стала причиной миграции молодежи в экономически более благополучные регионы. Те же, кто по разным причинам не решился на кардинальные перемены в своей жизни, оказались в роли аутсайдеров социальной жизни. И в этой ситуации нужно было найти некие точки опоры, которые могли бы утвердить человека в глазах окружающих (в первую очередь в глазах своих детей). И для многих такой опорой стала личная история их рода, память о родственниках-фронтовиках.

[4] URL: https://vk.com/club56834147 (дата обращения: 01.09.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ведомости для подсчета населения и переписные листы по 3 счетному, 5 переписного участков Печорского уезда (1896 г.) // ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 194. Л. 1–62.

Ревизская сказка о государственных крестьянах Архангельской губернии Мезенского уезда Устьцилемского отдельного сельского общества 10 переписи 1858 г. // ГААО (Государственный архив Архангельской области). Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 493. Л. 72об.–75.

Азадовский М. К. Беседы собирателя: о собирании памятников устного творчества применительно к Сибири. Этнологическая секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1924.

Богданов В. В., Фоменко О. А., Байлов А. В. Социальная память. Майкоп, 2015.

Власова З. И. Частушки // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л, 1964. С. 149–193.

Власть времени / под ред. В. Н. Ярской и Е. Р. Ярской-Смирновой. М., 2011.

Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13: Русская народная проза. С. 122–139.

Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 18–20.

Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html (дата обращения: 01.09.2017).

Гудошников Я. И. Виды и типы переделок литературных песен // Русский фольклор. Л., 1964. Т. 9: Проблемы современного народного творчества. С. 115–121.

Гуревич А. Песни и устные рассказы старой Сибири. Иркутск, 1940.

Домановский Л. В. Фронтовые и партизанские «дипломатические» письма и послания, их жанр и традиция // Русский фольклор. Л., 1964. Т. 9: Проблемы современного народного творчества. С. 178–194.

Жеребцов И. Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994.

Захарьин Е. В. С песней и музыкой — к победе! // Огненная дуга. Белгородский государственный историко-художественный музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление». Май 1990 г. URL: http://www.31md.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=400&catid=96&Itemid=113 (дата обращения: 01.09.2017).

Кормина Ж., Штырков С. Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html (дата обращения: 01.09.2017).

Латкин В. Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840–1841 и 1843 годах // Записки РГО. Кн. 7. СПб., 1853.

Минц С. И., Гречина О. Н., Добровольский Б. М. Массовое песенное творчество // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 103–148.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

Пушкарев Л. Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л., 1964 .

Сидельников В. М. Красноармейский фольклор. М., 1938.

Синий платочек // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Синий_платочек (дата обращения: 01.09.2017).

Соколова В. К. Работа Института этнографии по фольклору Великой Отечественной войны в военные и послевоенные годы // Тезисы докладов на пленумах и секциях Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности. М.; Нальчик, 1975. С. 35–36.

Фронтовая поэзия в годы Гражданской войны / вступит. ст., ред. и примеч. В. М. Абрамкина. М.; Л., 1938.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html (дата обращения: 01.09.2017).

Чистов К. В. Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной // Известия Карело-финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 41–66.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

Чистов К. В., Чистова Б. Е. Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. М., 1998.

THE WORLD WAR REMEMBRANCE: MEMORATES, FABULATES, AND COMMEMORATIVE BACKGROUND

ABSTRACT. The article considers the historical memory of people from the village of Sokolovo represented in the memorates and fabulates of the World War II as well as the commemorative background connected with celebrating the Victory Day. The author notes that, as a rule, veterans' memorates had no extended character and afterwards fabulates of these stories kept only episodes that were significant for a particular audience. Remembrances of the villagers recruited for logging constituted a special group of memorates. The author emphasizes that the primary impetus of the narrators was to describe the difficulties which people faced during the war period (starvation, backbreaking logging). The happiest moments in the stories about those times are connected with the recollection of local amateur art activities, in which the storytellers took part. In their performances the amateur artists represented various satirical verses and remakes of popular songs in which they laughed at the image of the Nazi. In the recent years the popular event "The Immortal Regiment" also became a part of the commemorative background of Sokolovo villagers. The author notes that unlike East European countries, where the discourse of the traumatic past is strongly reinforced in social consciousness, in modern Russia the collective memory of the World War II reinforces the discourse of triumph which acts as a vital form of the national identity at the state level.

KEYWORDS: Sokolovo, war, memorat, fabulat, commemorative background, satiric verses, the Old Believers, identity

CHUV'IUROV ALEKSANDR ALEKSEEVICH — Candidate of Historical Sciences, The Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)
E-mail: Chuvjurov@yandex.ru